

Ли́ра Ха́ртстри́нгс сидела на скамейке в сквере и смотрела, как над городом догорает день.

Парк, как оказалось, был полон жизни.

Гуляющие парочки и семьи, просто выгуливающие питомцев люди или решившие устроить вечернюю тренировку спортсмены. Кто-то оглядывался на сидящую на скамейке мятно-зелёную пони, кто-то нет.

Рядом оказалась детская площадка, и, пока Ли́ра шла мимо, дети несколько раз подбегали познакомиться. Один мальчик лет шести даже набрался смелости попросить покататься, и единорожка не смогла отказать, провезя его вокруг площадки под восторженный писк всех остальных.

Разумеется, после этого покатушки продолжились, и Ли́ра впервые после «Пони-Плея» заулыбалась. Даже если люди в большинстве своём были жестокими и безразличными, то дети сильно отличались от них. Подумалось, что после увиденного по визору и в «Пони-Плее» она больше никогда не захочет прикосновений человеческих рук, но нет. Как оказалось, добрые намерения без труда отгоняют страхи.

Но прокатив пятого ребёнка, Ли́ра почувствовала, что сильно вымоталась. Дети это заметили и, как ни странно, почти сразу перестали проситься «на волшебную лошадку». Тот мальчик, что катался первым, дал Ли́ре сладкий рогалик, какая-то девочка — настоящее яблоко, и порядком проголодавшаяся единорожка не стала отказываться.

Телекинез тоже привёл детей в полный восторг, и пришлось ещё задержаться, рассказав про волшебную страну Эквестрию, где живут единороги, пегасы и другие волшебные существа. Мысль о том, что всё это выдумки, Ли́ра старательно гнала прочь, боясь снова расплакаться прямо на глазах у малышей.

Распрощавшись с детьми, Ли́ра нашла в тени раскидистого дерева одинокую скамейку и удобно расположилась на ней в привычной для себя позе, которую Бон-Бон ещё шутливо называла «пузико кверху».

Ли́ра вздохнула, вспоминая подругу. Пришла мысль, что человеческий ребёнок, выросший в Эквестрии, не озлобился бы со временем, сохранив душевное богатство...

«Даже из дракона может получиться добрый и отзывчивый друг, если с детства жить среди пони, — подумала единорожка, — и Спайк тому пример...»

Но сразу вспомнились и слова Рейнбоу Дэш про то, что Эквестрия — всего лишь коммерческая выдумка какой-то фирмы. Сердце дрогнуло, а слёзы снова навернулись на глаза.

Ли́ра не хотела верить, но что-то внутри неё подсказывало: всё, что сказала злая лазурная

пегаска, было неприглядной, жестокой, но правдой... В конце концов, если вдуматься, озеро Отражения и путешествие между мирами были довольно слабыми отговорками, не выдерживающими глубокой критики.

Музыка, донёсшаяся до ушей единорожки, показалась знакомой. Лира встала и, обогнув чей-то огромный памятник на постаменте, увидела земнопони серого цвета, что играла грустную мелодию на виолончели.

В своих воспоминаниях Лира не была знакома с Октавией лично, но слышала в её исполнении некоторые произведения признанных авторов. В музыкальной школе в Кантерлоте часто упоминалось имя талантливой виолончелистки, которая вознеслась на вершину славы...

Не хотелось верить, что здесь знаменитая Октавия Мелоди была лишь очередной «живой игрушкой» для кого-то.

«Разве может быть ложной целая жизнь? — подумала Лира, — И разве может быть просто чьей-то игрушкой пони, играющая так?»

Музыка лилась над вечерним парком. Лира заметила футляр от виолончели, где лежало немного наличных. Но серая пони, казалось, совсем не интересовалась происходящим вокруг. Глаза её были закрыты, а смычок вдохновенно порхал по струнам, извлекая звуки, казалось, не из инструмента, а из самой души. Лёгкий ветерок колыхал малость застиранное, но безупречно выглаженное платье, а на шее висел полукруглый медальон, отбрасывающий блики от вечернего солнца.

Лира, телекинезом положив в футляр одну из купюр, села на скамейку неподалёку и продолжила размышлять над тем, что свалилось за последний день.

В «Маяке» и «Пони-Плее», казалось, существовали два мира. Противоположные стороны медали, настоящая дружба и её уродливое отражение, от созерцания которого сердце готово было разорваться.

Вроде бы одинаковые пони, различающиеся разве что по одежде, но отличие было куда глубже внешности. И если в «Маяке» все выглядели счастливыми и беззаботными, то в «Пони-Плее»...

Лира вздрогнула, вспоминая взгляды, полные страха, отчаяния и боли. Потоки слёз, что текут где-то там, в глубине, не смея показываться наружу. А ещё — движения. Дёрганые и резкие, зачастую боязливо-торопливые... движения загнанных зверьков. Или нарочито-апатичные, вялые, как у смирившихся с неизбежным жертв.

И только Рейнбоу Дэш с арены двигалась уверенно, как... боец. Или даже хищник. Вот именно, как древесный волк.

Внимание Лиры привлекла какая-то активность, нехарактерная для спокойного, размеренного дня в парке.

Петля между отдыхающих, удивлённо оборачивающихся вслед, на маленьком скутере неслась пони. Лира знала и её: рыжая шерстка, сиреневая грива и средство передвижения не оставляли сомнений.

Скуталу. Одна из «Меткоискателей», непоседливая пегасенка, периодически ставящая с подругами на уши весь Понивиль.

Только сейчас она явно пыталась скрыться от двух людей в плащах и шляпах. Лира мысленно назвала их «чёрный» и «серый», причём первый заметно вырвался вперёд в погоне.

Скутер занесло на повороте, совсем рядом с сидящей Лирой и Октавией, которая прервала игру и тоже во все глаза смотрела на разворачивающуюся сцену.

Рыжая пони покатила по земле вместе со своей машинкой, повизгивая от ударов. Человек в чёрном плаще с торжествующим возгласом рванул вперёд, и выражение его лица, даже скрытого наполовину чёрными очками и чёрной же шляпой, не предвещало маленькой пони ничего хорошего.

Вскочившая со скамейки Лира, перед которой разворачивалась эта сцена, в первую секунду даже не представляла, что делать.

Пони — мирный народ. И даже в дикие времена с трудом могли обуздать инстинкты, в случае опасности призывающие скорее убежать, чем драться. Но видимо, в данный момент более сильный инстинкт возобладал над трусоватой природой маленькой пони.

Инстинкт защиты жеребят от опасности. А то, что малышка Скут в опасности, Лира не сомневалась ни секунды.

Человек выглядел огромным и сильным. Лира даже не представляла, что можно ему противопоставить. Неожиданно её взгляд упал на подходящий предмет...

...Страшный человек уже навис над скрючившейся от боли Скуталу, когда ему на голову резко опустился мусорный бак, протестующе пикинувший индикаторами на панели управления.

— Негабаритный мусор, — проскрипел металлический голос машины, — просьба очистить мусороприемник и вызвать службу уборки. Внимание, негабаритный мусор...

Скуталу, будто только и ждавшая заминки, шустро откатилась в сторону, подобралась и вновь вскочила на маленький скутер. Лира заметила, что на багажнике был пристёгнут чёрный чемоданчик с серебристой эмблемой. Радостно затрещал пневматический моторчик.

Чёрный человек с руганью упал на землю, сиюсь стащить с головы продолжавший гундеть мусорный бак, а его напарник уже приближался. Было видно, что это уже довольно пожилой человек, и быстро двигаться он не может: красное лицо и тяжёлая одышка свидетельствовали, что преследователь тратит последние силы.

Скуталу, уже дав было по газам, обернулась и, встретившись глазами с мятной единорожкой, крикнула:

— Чего стоишь, дурёха? БЕГИ!

Колёса резко провернулись, и скутер рванул вдоль по дорожке. Лира, в сердце которой ворвался какой-то неподотчетный суеверный страх, побежала следом самым быстрым галопом, на который была способна...

* * *

...Детектив Трейси, увидев, как в облаке пыли уносятся две маленькие лошадки, перешёл на шаг. В груди что-то клокотало и хрипело, а сердце, казалось, сейчас разорвётся.

«Да, постарел ты, Дик, для таких марафонов», — мысленно пожаловался человек сам себе.

Рыжая лошадка, и впрямь оказавшаяся в Белом городе, уже успела угнать у какого-то ребёнка пневмоскутер и теперь стала гораздо быстрее. Случайно попавшись на глаза охотникам, она, хоть и с посторонней помощью, но ушла от погони.

«Надо было взять флаер, — продолжал размышлять детектив, подходя к судье Року, который с руганью пытался снять с головы робота-мусорщика, — а то колёсным машинам в парковые комплексы нельзя...»

— Сними это с меня! — глухо прорычал Рок, услышав шаги Дика.

— Прости, что? — Дик улыбнулся, глядя на грозного охотника, которого две цветные лошадки в лучших традициях мультфильмов обвели вокруг... копыта.

Абсурдность ситуации сглаживалась её комичностью.

— Я сказал, СНИМИ ЭТО С МЕНЯ! Я застрял!

— А волшебное слово?

Судья издал сдавленный рык и снова попытался снять бормочущего дроида с головы.

— Будь ты проклят!

— Хорошее слово, но не то, — Дик скрестил руки на груди. В конце концов, этот синтет уже порядком зарвался, совершенно забыв, что в охотничьей паре человек всегда главный.

— Пожалуйста, сними её с меня.

— Вот, уже лучше. Можешь ведь, когда захочешь.

Через несколько секунд робот был снят с головы синтета и водружён на законное место. Ко всеобщему облегчению, недовольное бормотание о негабаритном мусоре прекратилось.

Серая пони, прятая за памятником, вернулась к своему инструменту и снова начала играть. Музыка вновь полилась на аллеи парка, и Дик про себя отметил, что играет лошадка куда как получше многих музыкантов-людей.

«Интересно, как она без пальцев лады зажимает?» — подумалось детективу, но потом он вспомнил, что эти синтеты имели на ногах какую-то хитрую систему то ли присосок, то ли каких-то слабеньких генераторов силовых полей, что создавали вокруг копыт телекинетическое поле. Или просто хватательную складку. А то и всё вместе.

Судья огляделся.

— Сбежали? — спросил он.

— Конечно. Волшебные лошадки ушли от профессиональных охотников. Кому расскажи — на смех подымут.

— Почему ты не стрелял? — сварливо спросил Судья.

— Я тебе сто раз говорил. Никаких бластеров в Белом городе. Тут полно гражданских. Граждан, понимаешь меня? С зелёными картами. Другие тут не ходят. Малейшее беспокойство со стрельбой, да ещё с сопутствующим ущербом — и корпорация будет годами отбиваться от исков.

Синтет издал злобное рычание. Его собственный пистолет пришлось сдать на въезде в Белый город, не помогли даже чрезвычайные полномочия БРТО. И если бы не вмешательство Дика,

судью, синтеза псевдобоевой модификации, вообще не пустили в обитель спокойствия и богатства.

— Я уже ненавижу эту лошадь, — процедил Рок, отряхивая плащ, — и вторую тоже, что кинула в меня урной.

Дик пожал плечами.

— Это же детёныш. Жеребёнок, да? Поразительная прыть.

— Запомни, старик, у синтезов нет детства. Они могут выглядеть как дети, расти как дети, но никогда ими не будут. И советую вспомнить об этом, когда будешь заказывать копию своего ребёнка, оригинал которого тебя ненавидит.

На лице человека отразилась глубоко скрываемая боль, а судья только злобно усмехнулся. Конечно же, он знал о семейных проблемах Дика и нарочно надавил на больное.

Детектив отошёл от него к играющей на виолончели пони и положил в футляр немного наличных. Серая пони благодарно кивнула, а на её мордочке появилась робкая улыбка.

Подошедший Рок скривился.

— Зачем ты даёшь деньги этим отбросам? — спросил он, проводя рукой перед мордочкой пони. Сканер мигнул зелёным — пони была свободной и вовремя платила налоги.

— Она сама зарабатывает, несмотря ни на что, — ответил Трейси, — Кроме того, красиво играет.

Пони их как будто не слушала, хотя и бросала изредка взгляд огромных глаз. Виолончель продолжала наполнять аллею спокойной мелодией, под которую хотелось просто спокойно гулять, и чтобы рядом был кто-то, чьё сердце бьётся в унисон с твоим...

Судья презрительно сжал губы и покрутил в руке сломанные мусорным дроидом очки. Выругался вполголоса.

— Знаешь, ненавижу себе подобных, которым в жизни просто повезло меньше — это признак мелочной злобы на весь мир, — сказал ему Трейси.

Судья резко повернулся к нему и воскликнул, уперев руки в бока:

— Ох, ты ну надо же! Меня будет учить тот, кто всю жизнь убивал синтезов! — Рок нагнулся к

самой мордочке серой пони и прошипел, — Слышишь, лошадка, он только что дал тебе денег, которые ему платят за убийство подобных тебе.

Виолончель оборвала свою песню на резкой ноте, когда смычок соскользнул со струн.

Октавия отступила на несколько шагов, выронив инструмент. В огромных глазах заблестела влага... Пони продолжала пятиться, потом вдруг резко повернулась и поскакала прочь, покинув и виолончель, и футляр с пожертвованиями.

— Ну и зачем? — спросил Дик Трейси.

— Потому что ты лицемер, — огрызнулся Рок и пошёл в ту сторону, куда вели следы от пневмоскутера.

Трейси, прежде чем последовать за ним, положил виолончель в футляр и оставил на скамейке. Здесь, в Белом городе, за сохранность вещей можно было не опасаться. Живущие здесь не опускаются до мелкого воровства — в их жизни достаточно денег, чтобы не думать о них.

Детектив догнал судью и сказал:

— Убить съехавшего с катушек орка-гладиатора и беззащитную лошадку в метр ростом — совсем не одно и то же.

Рок усмехнулся и ответил:

— А по мне — то же самое. Орка ты тоже на поединок не вызвал, а застрелил из бластера...

...Октавия Мелоди, сидя за раскидистым кустом, проводила взглядом уходящих людей. Убедившись, что оба ушли, она вышла из кустов и направилась к своему инструменту, который один из этих странных полицейских заботливо убрал в футляр.

Совсем непонятно было, кто они и почему гоняются за маленьким жеребёнком. Ну кому, скажите на милость, могла навредить безобидная пегасенка?

* * *

— Так говорите, переправить груз напрямую по Серому городу было безопасней? — вкрадчиво

интересуется голос пожилого мужчины.

За столом сидят безликие силуэты: голографические поля скрывают истинные очертания.

— Кто же знал?.. — отвечает совсем молодой голос, — Там же всем всё до лампочки, простите мой французский. Никакой слежки от федералов, и среди бандитов нет идиотов, чтобы посягать на собственность корпораций.

— Подозреваю, что вор сам не осознаёт, что у него в руках, — третий силуэт говорит голосом зрелой женщины, привыкшей отдавать приказы, — но рисковать нельзя. Особенно в свете доклада курьера.

— Рыжая лошадка, да? — снова раздаётся молодой голос, — С крыльями? Синтет, очевидно. Мы уже послали двух охотников. Для надёжности один из них — сам синтет. Псевдобоевой класс — судья. Фактически, прирождённый убийца нашей продукции. Отлично себя зарекомендовал.

Пожилой медленно говорит:

— ...ключевая технология украдена... лошадкой из какого-то шоу.

— Пегасом, — машинально поправляет кто-то, — Судя по всему, от «Хасбро».

Другой голос произносит:

— Абсурд...

— И с ней была мышь, — добавляет молодой голос, — тоже разумный синтет.

В ответе пожилого слышится неприкрытая издёвка:

— О, ну это всё объясняет! Могущественную компанию облапошили лупоглазая лошадь и грызун. Оба — из мультиков. Трепещи, злобная корпорация!

— Кому вообще пришла идея транспортировать «Ключ» без охраны, обычной службой доставки?

— Киберсети доверять нельзя. Слишком большой массив данных. Если переправлять такой массив любым другим способом, это сразу привлечёт внимание. Вы же знаете. Мы ещё не готовы открыто заявить...

В голосе женщины начинает различаться раздражение:

— Да, и теперь всё может пойти прахом просто потому, что маленький синтез-воришка оказался не в том месте и не в то время.

Ещё один голос примиряющее заявляет:

— Просто тихо найдите и ликвидируйте эту дурацкую лошадь вместе с мышью, и верните «Ключ». Что сложного?

— По последним данным, они в Белом городе.

— Если вопрос стоит так, то лучше скандал в прессе, чем утечка данных.

— Дайте шанс охотникам. Они — лучшие.

Снова звучит голос пожилого мужчины, подводящий черту под обсуждениями:

— Сутки. Даю вам сутки, чтобы всё уладить.

* * *

Скутер пришлось бросить.

«Крутейший, новенький, быстрый, спасший наши крупы скутер с потрясным моторчиком на сжатом воздухе!» — сокрушалась по этому поводу Скуталу. Но воздух в баллоне подходил к концу, а в коммуникациях достать новый было просто негде.

Две пони шли по широкому тоннелю. Периодически мимо, сверкая огнями, проносился поезд подземки, поднимая волну горячего воздуха и заставляя гривы и хвосты неприятно потрескивать и шевелиться.

От несущих рельс маглева в недрах Большой Транспортной хорды пахло озоном. Но отсюда же можно было попасть в Серый город, подальше от мира светлого будущего, где беглых синтезов могли поймать с прискорбно высокой вероятностью.

Неизвестно, какими ресурсами обладали охотники корпорации. Но в Белом городе в их распоряжении могли оказаться и полиция, и камеры слежения, и дроны-наблюдатели... В общем, Джерри настоял на том, чтобы не рисковать.

По огромной трубе, содержащей больше десятка тоннелей поменьше, можно было пройти весь Гигаполис насквозь. В частные, или, как их ещё называли, зелёные сектора, а также в трущобы и заброшенные районы, оставшиеся с незапамятных времён, ещё до преобразования старых городов в Гигаполисы. Разве что на свалки и пустоши, раскинувшиеся вне исполинских городов, маглевы не ходили. А междугородняя трасса отходила от центра на высоких колоннах и не спускалась к грешной земле вплоть до соседнего города-гиганта.

Джерри, всё так же сидящий на голове Скуталу, говорил с бредущей рядом единорожкой в изрядно испачкавшемся тёмно-сером костюме:

— Ладно, кто ты и что ты, мы поняли. А чего ты за нами-то увязалась, чудо мятное?

Лири, которая не знала ответа на этот вопрос, только и смогла промямлить:

— Я думала... думала... это плохие люди...

Мышь кивнул.

— Правильно думала. Но они теперь решат, что ты с нами.

— Но я ведь тогда была не с вами!

— Угу, им это расскажи, — захихикала Скуталу.

— А они послушают?

Рыжая пони скосила глаза вверх и встретилась с точно таким же взглядом Джерри.

— Придётся взять её с собой, а то пропадёт, — произнёс мыш со вздохом, — Это наказание какое-то просто... Кстати, а почему ты нам помогла?

— Ты же сам сказал, это плохие люди. Не может быть никакой причины, чтобы причинить вред жеребёнку. Он же гнался за вами, как древесный волк за добычей!

Скуталу вздохнула. Чемоданчик на спине будто мгновенно потяжелел.

— Ну-ка постойте, — вскинулся Джерри и дёрнул за сиреневую гриву.

Пони остановились. Мыш, выхватив из сумки Скуталу какой-то инструмент, ловко перепрыгнул на Лиру и прошёлся по её спине.

— Опустить голову, — попросил он, — Первое, что должен сделать синтет в бегах — сбить прошивку чипа. Иначе выследят, где бы ты ни была. Будет немного больно. Укус комарика.

Единорожка, которая наклонила мордочку почти до земли, ответила:

— Так всегда говорит сестра Редхарт, прежде чем всадить тебе в круп огромный шприц... АЙ!

— Вот и всё, — отозвался Джерри, убрав инструмент, похожий на потрескивающую электричеством вилку, и снова оказался на Скуталу, — Главное теперь не подставляться под индивидуальные сканеры. В остальном — выделяться не будешь совсем. Добро пожаловать на свободу.

— Свободу от чего? — спросила Лира, когда пони продолжили путь. Очередной маглев пронёсся над головами, заставив гривы и даже шерсть встать дыбом, — И кстати, электромагнитные поля весьма вредны, вы знаете это?

— Знаем. Мы скоро доберёмся до Серого города, а оттуда уже сможем проникнуть в канализацию...

Скуталу под ним ощутимо вздрогнула и в неподдельном отчаянии спросила:

— Опять? Мы еле отмылись с того раза!

— Ничего, — Джерри успокаивающе почесал за рыжим ухом, — как я всегда говорил, лучше быть грязным, чем мёртвым. А дома тебя ждёт замечательный тазик с чистой водой и пеной.

Пегасенка вздохнула. Похоже, мысль о внеочередной ванне её совсем не радовала...

— Джерри, что ты сделал? — спросила Лира, потирая затылок копытом, — Больно же.

— Потом объясню... Скажем так, избавил тебя от хозяина. Идёмте.

— Какого ещё хозяина?! — воскликнула единорожка, двинувшись следом за Скуталу.

Джерри призадумался.

— Тот, у кого ты жила, крутил перед тобой прибором, который впоследствии загорелся

зелёным огоньком? — спросил он.

— Нет, — подумав, ответила единорожка.

— Тогда извини, но ты была его собственностью. По крайней мере, по законам людей.

«Вот значит, кем я являлась, — подумала пони, и в душе шевельнулась обида, — а Виктор говорил — гостья. И о дружбе... Но нет, так нельзя думать. Он просто хотел защитить меня от реалий этого мира... Он ведь ничем не обидел меня!»

Джерри и Скуталу ушли вперёд.

Мышь думал, что здесь и сейчас ему придётся принять ещё одно непростое решение. Потому что если бросить эту единорожку в мире людей совсем одну, она неминуемо погибнет.

Просто по наивности, жестоко вложенной в каждую понячью программу, сунется туда куда не следует. Попадётся алчным или просто злым и безразличным людям... И либо превратится в чужую собственность — даже не рабыню, а игрушку для развлечения — либо просто перестанет жить.

И хотя Джерри по опыту знал, что не стоит доверять выходцам из Шпилей, живущих в благоустроенном раю и не видящих грязи вокруг, но относилось ли подобное к пони?

Ответа не было...

* * *

...Над Серым городом постепенно опускался вечер. Зажглись фонари, бросив на бетонные стены домов кривые тени прохожих и машин, мусорных баков и редких деревьев. Старинные неоновые вывески разукрасили ночь разноцветными огнями, а витрины пролили на асфальт яркие прямоугольники света.

Ночью сходство с двадцать первым веком стало ещё сильнее. Бетонные и кирпичные здания, примитивная электрическая подсветка, припозднившиеся тени прохожих и огни пронсящих машин. Появились и извечные ночные обитатели вроде нищих и других мрачных личностей, провожающих взглядом небольшую компанию синтетов.

Ли́ра Ха́ртстри́нгс, идя́ рядом со Ску́талу, задрала мордочку к небу́ и подумала, не замеча́я люде́й вокру́г:

«Я ску́чаю по звёздам... Как же мно́го огне́й, что они затмева́ют даже́ но́чное небе́!»

Звуки́ горо́да никуда́ не исче́зли. По-прежне́му слы́шался приглуше́нный го́вор и шоро́х шин коле́сного тра́нспорта, изредка́ в мерный шум вторга́лся гро́хот чего-то упавше́го или вой по́лицейской си́рены. Сего́дня в шу́мы ули́цы доба́вился дро́бный пересту́к копы́т.

Они́ поки́нули Тра́нспортную хо́рду возле́ одной из ста́нций. На пони́ и мы́ша, выше́дших вме́сте с толпо́й люде́й, внима́ния обра́тили ма́ло. В конце́ концо́в, никто́ не запре́щало свобо́дным синтетам разгу́ливать где́ взду́мается. Даже́ явля́ться почти́ полноце́нными чле́нами о́бщества. По́ крайне́й мере́, в отно́сительно спо́койных райо́нах.

Где-то́ на гра́нице с Бе́лым горо́дом было́ неско́лько кварта́лов, заселе́нных свобо́дными синтетамы́ одной́ разно́видности. На́пример, э́льфами или антро́поморфны́ми зве́рями. В последне́м, к сло́ву, хоро́шо отно́сились к пони́. Вот то́лько жи́знь в ге́тто есть в жи́знь в ге́тто, и даже́ свобо́дные пони́ редко́ сели́лись вме́сте с фу́рри.

— Мне́ нико́гда в жи́зни не было́ так холо́дно, — сказа́ла Ли́ра, когда́ о́чередной порыв ле́дяного ве́тра пробра́л до ко́стей, несмот́ря на оде́жду.

— Подо́жди зи́мы, — ото́звалась Ску́талу, поё́жившись, — ещё́ не то́ будет. Хоро́шо ещё́, подше́рсток отраста́ет.

Ли́ра кивну́ла. Её́ орга́низм, неда́вно пробужде́нный к жи́зни, ещё́ не воше́л в ре́жим сезо́нов. Сама́ же она́ помни́ла, что поки́дала Э́квестрию́ лето́м, и даже́ в оде́жде си́льно ме́рзла на о́сеннем ве́тру.

— На́до возвраща́ться домо́й, на сва́лку, — резюми́ровал Дже́рри, — Или́, по́ крайне́й мере́, вле́зть под зе́млю... Но́ лучше́ добрести́ до ма́гистральны́х колле́кторов. Э́то ещё́ кварта́ла три.

Ли́ра вздохну́ла. Не ве́рилось, что сверка́ющие Шпи́ли мо́гли импе́ть что-то о́бщее с э́тим мра́чным ме́стом.

Обита́тели Се́рого горо́да спе́шили домо́й в сумерка́х догора́ющего дня́. Взгля́ды ско́льзили по́ трём измуче́нным синтетам, что ме́дленно бре́ли по́ тротуа́ру под мерное цо́канье копы́т. Но́ в э́тих взгля́дах Ли́ра не замеча́ла презре́ния или ненави́сти, свойственны́м обита́телям Бе́лого горо́да, а ско́рее любопы́тство, сочу́вствие, но́ поро́й и обре́чённость.

— И́ почему́ мы́ не мо́жем просто́ сесть́ в по́езд или́ взя́ть такси́? — спроси́ла еди́норо́жка.

— По́тому́ что́ мы́ не на́ прогу́лке! — ото́звался Дже́рри, — Если́ помни́шь, за́ нами́ иде́т о́хота.

— Кстати, всё забываю спросить, почему?

Скуталу и Джерри переглянулись.

— Видишь чемоданчик? — спросила пегасенка, и Лира кивнула, — С тех пор, как он у нас, за нами гоняется полиция, а с недавних пор — и эти двое.

— Так верните его!

— Всё не так просто, — буркнул мыш, — Если мы принесём его в полицию, нас схватят как беглых синтетов. Чипы неактивны, помнишь? К тому же, я не уверен, что эти двое из полиции. И они не оставят нас в покое, если мы просто выбросим... это.

Лира в отчаянии возвела очи горе:

— Может, мне надо знать что-то ещё? Например, что вы задолжали Дискорду или обокрали принцессу Селестию!

Повисшее неловкое молчание заставило глаза единорожки в ужасе распахнуться.

— Ну, вообще-то да, — проговорил Джерри, — Нечто сходное, по крайней мере.

— О нет! — воскликнула единорожка, — Только не Дискорд!

— Я скорее имел в виду Селе... кхм, крупную корпорацию, — добавил мыш, чувствуя себя донельзя неловко, — Мне так кажется.

Лира остановилась и, прикрыв на секунду глаза, сделала глубокий вдох, прижав переднюю ногу к груди. Отведя ногу от себя, единорожка выдохнула и, посмотрев на Джерри и Скуталу, спросила:

— Я всё ещё не понимаю, почему мы не можем пойти к Вику? Он не даст нас в обиду... Его дедушка — какой-то правитель или вроде того, наверняка они сумеют нас защитить!

Скуталу лишь фыркнула, давая понять, какого она мнения о людях вообще и о хозяине Леры в частности.

Джерри же решил пояснить:

— Людям свойственно совершать ошибки и делать поспешные выводы. И если мы направимся напрямик к нему, то кто может дать гарантию, что там нас не ждёт пара наших старых

знакомых? Или наряд полиции? Твой хозяин же живёт в Белом городе? Я не исключаю, что там уже другая пони. Для него заменить синтета на новую модель — не проблема... Тем более, раз ты говоришь, что его семья весьма влиятельна.

Единорожка не ответила. Правота мыша подкреплялась его жизненным опытом и косвенно — наблюдениями самой Лиры. Она сказала:

— А ведь совсем недавно мне казалось, что ничего хуже древесных волков быть не может. А теперь за нами гонятся люди, только подумайте, ЛЮДИ, которые хотят нас убить!

Джерри вздохнул. Он уже видел крушение идеалов синтета с «попаданческой» программой. Каждый раз это было душераздирающее зрелище. Иногда даже заканчивалось трагически. Впрочем, Джерри ещё ни разу не видел и не слышал, чтобы кто-то из пони пытался покончить с собой. «Хасбро» привили цветным лошадкам удивительное жизнелюбие, несмотря на всевозможные невзгоды, которые могла обрушить на них жизнь синтета.

Урчание в животе Скуталу вырвало мыша из невеселых раздумий.

— Кажется, пора подумать об ужине, — заметил он, — Скут, вон автомат. Давай туда.

Лира проследила, куда указывал мышь, и увидела встроенную в стену витрину. Внутри, разложенные по полкам, лежали коробочки с бутербродами и завернутые в яркие обёртки вафли, конфеты и прочие лакомства.

Скуталу поравнялась с автоматом и встала на дыбы, чтобы дотянуться до пульта управления. Лира улыбнулась, видя как рыжая малышка облизнулась при одном взгляде на полку со сладостями.

Но улыбка моментально сползла с мордочки Лиры, когда Джерри, вытащив из сумки уже знакомую вилку-шокер, со всего размаха воткнул её в сервисный разъём. Брызнули искры. Дисплей мигнул и погас, а манипулятор внутри витрины дёрнулся и уронил несколько коробок вниз.

— Что вы делаете?! — вырвалось у Лиры, — Вы с ума сошли!

Скуталу, издав сдавленный стон, отпрыгнула от автомата, когда несколько прохожих повернулись в их сторону.

— Бежим! — крикнул Джерри, и пони рванули по улице.

Погони не было, но полицию наверняка уже вызвали, и задерживаться не стоило. Лира во время бега несколько раз пыталась что-то гневно сказать, но мышь только отмахивался. Дескать, не до того.

Когда же пони отбежали достаточно далеко и перешли на шаг, Лира всё же поинтересовалась:

— Джерри, зачем вы это сделали?

— Чтобы поесть, — ответил мыш.

— Как-то так, да, — кивнула Скуталу, — Торговые автоматы от электричества начинают глючить, и, как правило, пара пакетов успевает упасть вниз до блокировки. Круто, правда? Я хотела бы сандвич с...

— Круто?! — задохнулась от возмущения Лира, — А купить вам в голову не пришло?

— Зачем? — искренне удивилась Скуталу, а Джерри добавил:

— Какой смысл тратить деньги на то, что можно достать бесплатно?

Лира в полнейшем отчаянии воззрилась на практически закрытое домами небо.

— За неполные два дня я стала беглой преступницей... Сбежала из дома, ударила полицейского, поучаствовала в ограблении! Бон-Бон бы удар хватил.

— Голод не тётка, знаешь ли, — отрезал мыш, погладив Скуталу по уху.

Та фыркнула:

— И теперь по твоей милости мы без ужина.

Лира покачала головой и не ответила. Джерри тоже замолчал.

Как объяснить этой поняше из Белого города, что здесь совсем другие законы? Законы настоящей жизни, законы джунглей? Каменных джунглей, полных опасностей и жестокости...

Свет дальнего фонаря выхватил из сгущающейся мглы два силуэта. Мыш на автомате оглянулся в поисках маршрута отступления, но вовремя заметил, что пешеходы из гражданских: мать и, похоже, дочь, нагруженные тяжёлыми пакетами.

— А зачем вы побежали? — вновь подала голос Лира, — За нами никто не гнался.

Ответил Джерри:

— Не так давно нас уже застукали за вскрытием торгового автомата. И благообразный дедушка начал просто избивать Скуталу тростью, едва не сломав ей хрящ в ухе.

Лира вздрогнула, перехватив жалобный взгляд пегасенки.

— Это было дискордовски больно, — поёжилась та, — еле ноги тогда унесли.

— Неужели не нашлось никого, кто на такой кошмар обратил бы внимание? — спросила единорожка.

— Была одна девушка, — ответил мыш, — Она стояла и увлечённо наблюдала за избиением Скут.

— Прости, — виновато сказала Лира, поглядев в глаза рыжей кобылки, — это просто чудовищно...

Скуталу хотела что-то ответить, но остановилась. Об её ногу слегка ударилось что-то круглое, отвлекая от разговора. Опустив взгляд, пони увидела яблоко, выкатившееся из пакета, лежащего на земле с оторванной ручкой. Немолодая женщина, со вздохом поставившая ещё несколько пакетов на землю, принялась собирать выпавшие продукты.

Ей помогала маленькая девочка, что до сих пор шла рядом.

Рот пони наполнился слюной при мысли о сочном плоде, прямиком с гидропонной фермы... но яблоко окуталось сиянием телекинеза Лир и подлетело к женщине, не обращавшей внимания на синтетов.

— Вы уронили, — сказала единорожка.

Женщина посмотрела на парящий в воздухе фрукт, потом перехватила жалобный взгляд маленькой рыжей кобылки...

— Оставь для дочки, — улыбнулась женщина.

Скуталу уже открыла рот, чтобы опровергнуть предположение женщины, но тот моментально оказался заткнут влетевшим в него яблоком под хихиканье Лир.

Женщина отвернулась и осмотрела пакеты. Теперь, когда на одном не хватало ручки, удержать все сразу не представлялось возможным.

Девочка же, попытавшись поднять полный яблок пакет, смогла лишь немного сдвинуть его с

места.

Неожиданно тот засветился и взлетел в воздух.

— Д-давайте я помогу, — предложила Лира, у которой зубы начали слегка стучать от холода.

На сердитое шиканье Джерри и протестующее мычание Скуталу единорожка не обратила внимания.

— Спасибо, — улыбнулась женщина.

Девочка, сперва опасливо спрятавшаяся за мать, протянула руку и потрогала парящий пакет. Тот слегка качнулся.

— Мам, а как это? — спросила она у женщины, но ответила Лира:

— Это магия. Все единороги так умеют.

Женщина улыбнулась и сказала:

— Что ж, волшебные продрогшие лошадки... Тогда идёмте.

Откусившая кусок яблока Скуталу прожевала добычу и хотела что-то сказать, но была остановлена словами:

— На одну ночь, думаю, у нас найдётся лишний матрас и пара тарелок ужина...

...Жилище Марты Брикман и её дочери, одиннадцатилетней Джейн, выглядело совсем не так, как представляла Лира Хартстрингс.

В отличие от просторных апартаментов на вершине сияющей башни, это была небольшая квартирка в недрах настоящей горы из серого бетона. Район довольно плохо освещался, и лишь свет фар редких машин выхватывал из темноты глухие стены построек и тёмную улицу. Свет лился разве что из окон жилых комплексов.

Лира заподозрила неладное, когда они прошли сперва в узкую, но людную улочку между нагромождениями циклопических сооружений, а потом по плохо освещённому, изрядно загаженным коридорам жилого модуля.

Но некрашенная стальная дверь вела в аккуратную, чистую прихожую, за которой обнаружилась уютная комната. Желтоватый свет включился от щелчка старомодного

выключателя, отобрав у темноты две кровати, стол и прочую мебель, а также завешенные коврами и картинами стены и тяжёлые занавеси на окнах.

Всё это в совокупности создавало атмосферу тихого домашнего уюта. Правда, совсем не походило на то, что Лира видела раньше. В мире людей, как минимум.

Шкаф из старого дерева, потёртый стол со скатертью и застеклённый сервант Лира скорее ожидала бы увидеть где-нибудь в Эквестрии, чем тут, в мире технологических чудес.

— Вытирайте ноги и проходите, — сказала Марта, ставя пакеты на пол, — Джейн, поставь чайник.

Девочка, скинув сапожки и повесив куртку на крюк, убежала на кухню, откуда раздалось бречание посуды.

Марта добавила:

— Если будете ужинать руками... или ногами... помойте их перед едой.

Она улыбалась, но тон не терпел возражений. Впрочем, никто и не пытался спорить. Пони прошли в ванную, и Джерри прыгнул на раковину.

— А где сенсоры управления? — спросила Лира, после чего повысила голос, — Умывальник — включение!

Скуталу хихикнула, прикрыв мордочку копытцем, а Джерри с улыбкой подошёл к крану и молча повернул его, взявшись двумя руками.

Потекла вода, а Лира почувствовала себя донельзя глупо. Быстро привыкнув к автоматизированному дому Виктора, она совсем позабыла, что где-то в мире людей всё может быть по-другому.

Единорожка перехватила удивлённый взгляд Джейн, которая проходила мимо с тарелками на всех.

Мордочка пони покраснела, а Скуталу сказала:

— Теперь я и вправду верю, что ты из Белого города, хи-хи...

...На ужин была каша с какими-то фруктами. У Лире от переживаний совершенно пропал аппетит, и она ела скорее из вежливости. Но Скуталу и Джерри не заставили себя упрашивать.

— Марта, спасибо, — поблагодарила Лира, глядя, как Скуталу за обе щеки уплетает сладковатую зерновую размазню.

Растущий организм требовал своё, и то, что было съедено утром, давно растворилось без следа. Недавнее яблоко же только раздражило голодный животик. Первая тарелка исчезла в мгновение ока, добавка — немного времени спустя, и Лира пододвинула к Скуталу свою порцию. Та благодарно улыбнулась и на этот раз ела уже не спеша.

— Не за что, — улыбнулась женщина, и Лира вдруг подумала, что та чем-то напоминает Литл Дейзи, заботливую няню, что всё детство в Кантерлоте работала в семье Хартстрингс, — вы ведь мне тоже помогли.

— При всём уважении, — сказал Джерри, который уже справился со своей порцией, — но вряд ли помощь с сумкой достаточный повод для того, чтобы пригласить незнакомых синтетов в дом.

— Вы добрые... существа, и моей дочке вы понравились. Остальное неважно.

Неожиданно на стол бесшумно вспрыгнула полосатая кошка. Джерри вздрогнул, но скорее от неожиданности.

— Паффи! — хором воскликнули Марта и Джейн, и женщина потянулась согнать животное со стола, — Нельзя, плохая киса!

— Не стóит, — заверил всех Джерри, — Обыкновенные кошки не воспринимают меня как мышь, всё в порядке.

Кошка, прижав уши, сделала шаг в сторону Джерри. Тот удивлённо уставился на неё.

— Ты уверен в том, что только что сказал? — спросила Лира.

— До сих пор было так! — пробормотал мыш, не сводя глаз с кошки.

Рог единорожки засветился, готовясь перехватить хищницу, но та стремительно сорвалась с места и распласталась в воздухе в стремительном броске. Никто ничего не успел сделать.

Джерри отпрыгнул в сторону, но кошка будто его не заметила и бросилась в плохо освещённый угол комнаты.

Оттуда донеслась какая-то возня, затем щелчок металла, и в сторону вентиляции метнулась маленькая размытая тень. Паффи, тем не менее, не бросилась за ней, а вернулась, странно пошатываясь, к столу, села и стала быстро умываться.

— Наверное, мыши, — заключила Марта.

— Какие мыши? — спросил Джерри.

— Не такие, как ты, — подала голос Джейн, — Обычные, настоящие мыши... Ой, прости.

Джерри фыркнул:

— Видел я этих «настоящих» мышей. Глупые, суетливые. Животные, в общем. И кто в них находит что-то привлекательное?

На несколько секунд внезапно воцарилась тишина. А затем Джейн молча встала из-за стола и удалилась в сторону кухни.

— В чём дело? — спросила Лира, проводив девочку взглядом.

— Мыши живут в коммуникациях, — пояснила Марта, — и они — единственные питомцы, которых зачастую могут себе позволить жители хабитата. У Джейн была мышка Минни... почти год.

— А что потом? — спросила Скуталу в промежутках между пережевываниями.

— А потом она умерла, — ответил Джерри, — Обыкновенные мыши живут год-два, не больше.

— Я считаю, что тебе следует извиниться перед Джейн, — начала было Лира, но тут раздался голос девочки, которая из кухни, конечно же, всё слышала:

— Я не обижаюсь!.. Это мне не следовало говорить, что только другие мыши — настоящие.

Когда было покончено и с извинениями, и с кашей, Марта сказала:

— Думаю, что детей надо уложить спать. Да и самим, пожалуй, сто́ит отдохнуть. Не знаю, чем вы планируете заняться завтра, но мне нужно будет на смену, а Джейн — в школу.

— Вы не будете нас ни о чём спрашивать? — спросил Джерри.

— А я не ребёнок! — пискнула Скуталу.

Марта рассмеялась:

— Неужели вы думаете, что если бы меня интересовала причина, по которой вы оказались на улице, то я позвала бы вас в дом? Так что давай, мышонок, укладывай спать свою подопечную...

Скуталу воинственно встопорщила крылышки, но Джерри ловко пнул поставленное на стол рыжее копытце и сказал:

— Это мятное чудо иногда ещё круче. Так что...

— Я взрослая! — подала голос Лира. И сама поразилась, как по-жеребьячи это прозвучало.

Совсем как у Скуталу.

На мордочке рыжей пегасенки заиграла ехидная улыбочка:

— Ты тут появилась меньше недели назад! А я — два года как в этом мире.

— Сейчас это не имеет значения! У меня гораздо больше жизненного опыта, пусть даже эквестрийского!

— Ага. Нам очень помогло, что ты пыталась спросить дорогу у полицейского. Подойти к легавому с перебитым чипом регистрации — очень зрелый и благоразумный поступок...

Единорожка покраснела и покосилась на Марту, которая, хотя и не до конца понимала, о чём идёт речь, но улавливала общую тему. Виктор советовал спрашивать дорогу у служителей порядка, но кто же знал, что теперь это не работает?

— Ну он выглядел таким добрым и отзывчивым, — сказала Лира, — Откуда же я знала, что он достанет дубинку, а? Кроме того, теперь-то мы точно знаем, что представители закона нам не друзья.

Скуталу захихикала, а Джерри прикрыл лицо ладонью:

— Не стоило рисковать жизнью, чтобы подтвердить прописную истину.

— Эй! — возмутилась мятно-зелёная пони, — Я хоть что-то пытаюсь сделать!

— Отправляйтесь спать все, — примирительно проговорила Марта, — Я постелю вам матрас на полу. А для тебя, Джерри, найдётся подушка по размерам и тёплый платок в качестве одеяла.

— Спасибо, — отозвался мыш, — Иногда быть маленьким — удобно.

Вскоре на полу был разложен широкий матрас, на котором запросто бы уместились и три пони. Скуталу довольно упала на него спиной и блаженно раскинула ноги и крылья.

Лира вдруг почувствовала, как её погладили по спине.

Вздрогнув от неожиданной ласки, единорожка повернула голову и увидела Джейн. Девочка смущённо улыбалась, продолжая гладить единорожку прямо поверх жакета.

— Спасибо, — улыбнулась Лира, — мне приятно.

— А можно расчесать твою гриву? — набравшись смелости, попросила Джейн.

— Доча, отстань от Лира, она устала! — строго сказала Марта.

Девочка смутилась ещё больше, но единорожка возразила:

— Всё в порядке, Марта, — она повернулась к девочке, — Конечно, можно.

— Понячы нежности, бе-е, — отозвалась Скуталу с матраса.

Джерри же промолчал и только усмехнулся. Он уже давно бросил попытки приучить маленькую пони содержать гриву хотя бы в относительном порядке.

Пони, сняв жакет, улеглась на матрас, подогнув под себя ноги. Присевшая рядом Джейн взялась за дело. Лира вскоре почувствовала, как растрепавшейся за день гривы коснулась расчёска.

Прикрыв глаза от удовольствия, Лира старалась не слушать хихиканье и насмешливые фырки Скуталу, грива которой выглядела как взъерошенная швабра. Впрочем, как всегда.

Лира же, вспомнив свой первый день в мире людей, вздохнула. Руки Виктора, с такой трогательной и неуклюжей нежностью моющие гриву. Казалось, целую вечность назад, хотя прошёл всего день.

Надо сказать, расчёсывание гривы и вообще уход за шерстью были теми действиями, что доставляли пони удовольствие, не переходя грань приличия. По крайней мере, для кобылиц.

Лира сама не знала, почему у неё такая симпатия к этой девочке. И вообще, к детям. Она провела параллель с малышами в парке, и на сердце необъяснимо потеплело.

Единорожка подумала, что просто подсознательно пытается найти крохи любви и гармонии в

мире людей, и дети казались последней соломинкой.

Если же внимательно вчитаться в техническую документацию поведенческих программ, можно было бы понять, что «Хасбро» просто сделали ставку и на традиционную для шоу аудиторию, и особый скрипт всегда склонял поняш к дружбе с детьми.

Но Лира, разумеется, даже близко не могла предположить чего-то подобного. Да и всё равно не поверила бы.

— Спасибо, Джейн, — сказала единорожка, когда девочка закончила и показала поняше зеркало, — Очень красиво. Жаль только до утра всё равно растреплется.

— Я расчешу тебя ещё раз, — улыбнулась девочка и вдруг чмокнула фыркнувшую от неожиданности пони в носик, — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — эхом отозвалась та и улеглась на матрас рядом со Скуталу.

Объевшаяся пегасенка уже давно посапывала, так и не сменив позы. Благо, матрас позволял обеим пони улечься без проблем.

Лира улыбнулась, когда Марта погасила свет.

Снаружи раздался громкий звук моторов и волчий вой, но это не напугало маленькую пони.

Всё же мир людей, несмотря на его неприглядные стороны, иногда являл чудеса, сравнимые разве что с настоящей магией дружбы.

И эта надежда, горящая в сердце подобно свече в холодной комнате, позволяла думать, что ещё не всё потеряно. Что добрые люди, такие как Марта Брикман, рано или поздно окажутся в большинстве.

«И такие как Вик, — подумала пони, не желающая представлять своего первого друга в незнакомом мире рабовладельцем и обманщиком, — И ребята из «Маяка». И те дети из парка...»

Под эти мысли Лира закрыла глаза, вслушиваясь в размеренное дыхание Скуталу. Звуки ночного города приглушённо доносились через окно, но пони слишком устала, чтобы те могли помешать ей провалиться в крепкий и спокойный сон без сновидений...